

Этимология и лексическая реконструкция для древней и древнейшей истории ближневосточно- северноафриканско-средиземноморского ареала

В статье приводятся новые или обновленные афразийские этимологии и реконструированные праформы, которые могут способствовать реконструкции некоторых малоизученных и неизвестных аспектов, фрагментов и эпизодов древней и древнейшей истории Передней Азии, Северной Африки и Средиземноморья — таких, как ранее не выявленные лексические заимствования и их источники, указывающие на древние этнокультурные контакты; происхождение ливийского письма; представления, из которых предположительно развились такие разные концепты и образы, как египетское *Ka*, библейские *тоху ва-боху* и *шеол*; названия монстров в древних семитских культурах и реконструированные праафразийские термины, проливающие свет на социальный и эмоционально-этический аспекты жизни неолитического человека.

Ключевые слова: этимология; лингвистическая реконструкция; древняя история; афразийские языки; семитология; языковые заимствования; Библия.

Этимология и лексическая реконструкция могут пролить свет на некоторые аспекты древней и дописьменной этнокультурной истории, скорректировать устоявшиеся представления, стимулировать интерес историков и археологов к поиску новых или пересмотрю имеющихся данных и интерпретаций, в частности, касающихся неисследованных этнокультурных контактов, на которые указывают выявленные лексические заимствования, иногда совершенно неожиданные. Цель настоящей статьи — не вдаваясь в теоретические и методологические основания такого общего утверждения, продемонстрировать конкретные возможности этимологического исследования в его разных проявлениях, в основном, на материале афразийских языков¹.

1. Берберское ‘железо’ и проблема происхождения ливийского письма.

Одна из загадок берберской этимологии — происхождение ливийско-берберского² термина для железа: Old Lybian *zl*, Shilḥ *uzzal*, Wargla, Mzab *uzzal*, Qabyle *uzzal*, Ghadames *wazal*, East Tawllemmet *uzzel*, Ahaggar, Ghat *t-az/żuli*, и т. д. <³?uzzāl>³.

¹ Все примеры в статье, приводимые в принятой в семитологии и афразистике системе символов, содержатся в афразийской этимологической базе данных на сайте «Вавилонская башня» (starling.rinet.ru), составленной совместно с О. В. Столбовой (автором, в первую очередь, чадской части базы). В последние годы автор настоящей статьи продолжает дополнять и исправлять эту базу самостоятельно. Переводы примеров обычно цитируются на языках соответствующих двуязычных словарей и других источников.

² Об этой ветви афразийской макросемьи языков см. Айхенвальд & Милитарев 1991.

³ В анлауте здесь мог бы быть и *ȝ, но, во-первых, *? встречается в анлауте перед гласным во много раз чаще, а, во-вторых, в предполагаемом слове-источнике в анлауте ?-; по этой же причине, *?ii- здесь вероят-

У этого термина не находится ни внутренней берберской этимологии (например, переноса значения по цвету или еще какому-то признаку), ни параллелей в других афразийских языках, кроме западночадского хайса *ažiiloo* ‘iron band on spear shaft’, по-видимому, заимствованного из туарегских, и малонадежного соответствия позднеегипетского языка эллинистического периода *zn* ‘ploughshare’ (если *n* < *l), употребляющегося с детерминативом ‘металл’. Во втором примере, если связь все-таки есть, то египетский термин должен был быть заимствован из ливийско-берберских, но никак не наоборот, по соображениям и семантическим (‘железо’ стало ‘железкой’), и хронологическим (термин явно реконструируется как праливийско-берберский, возникший до эллинистического периода египетского языка).

Традиционное объяснение заимствованием из семитского (в качестве источника заимствования приводится финик. *brzl* и соответствующее ему евр. *barzäl* בָּרֶזָל)⁴ наталкивается на рутинную проблему ненадежных и сомнительных этимологий: невозможность объяснить фонетические изменения при заимствовании. В данном случае предполагаемое выпадение начального слога *bar* слова-источника или превращение первого семитского корневого согласного *b-* в берберский *w/i-* с полной ассимиляцией второго семитского корневого *-r* аналогичными процессами в берберском не подтверждается.

Вместе с тем никем не замечены, насколько мне известно, остается объяснение ливийско-берберского термина одним пассажем из Иезекииля (27:19): *wə-dān wə-yāwān tə-ʔūzzāl... nātānn̄ barzäl ŋāšōt...*⁵ (‘И Дан, и Йаван из Уззала... платили (тебе)... выделанным железом...’). В словаре HALOT: 21 к топониму *?ūzzāl*⁶ дается следующий комментарий: “...in Arab. trad. the pre-Islamic name of *ṣanā*, capital of Yemen”⁷.

The Anchor Bible dictionary (Freedman 1992) приводит следующую интерпретацию этого имени:

UZAL (PERSON) [Heb. *'ūzāl* (עֹזָל)]. A son of Joktan and hence the name of a South Arabian tribe or place (Gen 10:27; 1 Chr 1:21). Since the time of Bochartus (1674: 130–34) this biblical name has usually been combined with 'Azāl which, according to South Arabian tradition, is said to have been a Pre-Islamic name for Ṣanā', the capital of Yemen. In fact, 'Azāl is equated with Ṣanā' (al-Hamdān 1979: 193, 8), and the name occurs also frequently in poetry, e.g., in a verse of the Pre-Islamic poet 'Alqama b. Dh Jadān (al-Hamdān 1979: 72, 8) or in a poem which is attributed to the Himyaritic king As'ad Tubba' (al-Hamdān 1979: 56, 5). According to a tradition not Shem, the son of Noah, but 'Azāl, the son of Joktan, is said to have built Ṣanā' and her castle Ghumdān and to have called the town after his name (ar-Rāz 1974: 14–15). In the Sabean inscriptions, however, the later capital of Yemen is always referred to under the name *ṣn'w*, Ṣanāw, and never under **z'l*, 'Azāl, although the trilateral root *'z'l* is attested in proper names, e.g., as epithet of the ancient town *Wa'lān* in the SE part of Yemen, *w'lñ t'z'l*, *Wa'lān Ta'zil* (YMN 4, 2). According to one of the meanings of the Arabic verb *'azala*, “to restrain” the cognomen possibly expressed the wish that the fortified place should

---

нее, чем **w-* (*w* и *i* в берберских часто чередуются). Предложенный в праформе вокализм не только преобладает в производных берберских формах, но и полностью повторяет вокальную структуру слова-источника. Более убедительных аргументов привести не получается: афразийский (в т. ч. берберский) вокализм, в отличие от консонантизма, пока не поддается сколько-нибудь убедительной и универсальной систематизации.

⁴ Об этом семитском корне см. Valério & Yakubovich 2010.

⁵ Форма *ŋāšōt*, переводимая как ‘выделанное, обработанное’, дается в HALOT как слово с неопределенной этимологией. Возможно, что в масоретском тексте ошибка: вместо *w* (shin) должно было стоять *š* (sin), в этом случае слово является производным от глагола *ŋāšā* ‘делать, выделять’ и т.п.

⁶ В HALOT приводятся оба варианта — с дагешем и без него; Biblia Hebraica Stuttgartensia в Ezekiel 27:19 приводит этот топоним с дагешем. Если наша интерпретация берберского **?izzāl* верна, она подтверждает вариант с удвоенным *-zz-*.

⁷ Имеются и другие интерпретации и переводы этого стиха в целом и слова *?ūzzāl* в частности, но толкование его как топонима представляется наиболее правильным.

prevent enemies to enter it; 'Azāl as placename could be explained in the same way. Already Glaser (1890: 310) had pointed out that the hitherto accepted view of the identification of Uzal with Ṣan'ā has to be given up. The Jews of Ṣan'ā were probably the first who connected this town with a biblical name and called it 'Azāl (Glaser 1890: 427). His proposal, however, to look for Uzal in the region of Yathrib/Mad na in the E Hijāz (Glaser 1890: 434), does not conform with our present historical knowledge of that region of Arabia.

On the other hand, no notice has yet been taken of the fact that aside from the use of 'Azāl for Ṣan'ā, the name 'Azāl occurs two further times as a designation of places in Yemen (see al-Maqhaf 1988: 26). The one 'Azāl is a region in the district of ar-Raḍama, some 30 km E of Yar m; the other 'Azāl is a region of the Banū 'Ammār in the district of an-Nādira NE of Ibb on the upper course of the Wadi Banā. Both places are so far unattested in Sabean inscriptions since the areas referred to have not yet been investigated by archaeologists. In the last mentioned region there is the castle al-'Azāl which is currently in ruins but which was formerly among the famous castles of Yemen. Therefore it cannot be entirely excluded that this 'Azāl might be the place in which one has to look for Uzal in the table of nations.

In Ezekiel 27, where the partners in the trade with Tyre and the merchandise imported into this commercial town are listed, MT *m 'ūzzāl* is attested (v 19). This might be interpreted as “spun yarn” if one interprets it as a Pu'al participle of the verbal root *z̄l* (as a variant of **z̄l*, “to spin”). Several Heb mss, however, offer the reading *m 'ūzāl* (LXX ex As I), which points to a place-name, “from 'Uzāl”. Making a conjecture at the beginning of the verse, which is presupposed by the LXX, the translation of the first half of the verse could read as follows: “and wine from Uzal they exchanged for your wares”. Uzal has been identified with Izalla mentioned in Akkadian documents, a district NE of Mardin and Nisibin, especially since wine formed a part of the tribute paid to Ashurnasirpal by Izalla. By alteration of three waws into yods, the first three words of Ezek 27:19 have been interpreted and translated “and casks of wine from Izalla” (*m 'z̄l*; see Millard 1962: 201–3). Since iron is mentioned in the second half in the verse, another (though less probable) proposal is that Uzal may be the Heb transliteration of the name Ušawalāš, known from Hittite documents as an Anatolian town in the region of modern Konya, where rich deposits of iron-ore exist; the translation of the unaltered MT would then be: “and Dān and Yāwān exchanged for your wares from Uzal iron ...” (see Elat 1983: 323–30). In any case **'ūzāl* in Ezek 27:19 is to be separated from *'ūzāl*, the son of Joktan in the Table of Nations in the book of Genesis.

Совпадение берберского **?uzzāl* с библейским топонимом *?ūzzāl* вкупе с упоминанием о торговле этого города железом дает возможность предположить происхождение ливийско-берберского термина для железа от названия города: перенос на название артефакта или любого товара названия места, откуда его доставляют или где его производят, — нередкое явление, ср., например, происхождение латинского обозначения меди *ciprum* от названия острова Кипр (Beekes 2009: 805). Что касается путей проникновения этого термина и обозначаемого им предмета из Южной Аравии в бербероязычный регион, то наиболее вероятных два — либо через Баб-эль-Мандебский пролив и далее через Нубию на север и северо-запад, либо через финикийские портовые города на средиземноморское побережье Африки. С одной стороны, ранние ливийско-нубийские контакты подтверждаются берберскими лексическими заимствованиями в нубийских языках, с другой стороны, 26 и 27 главы Иезекииля известны как «плач по Тиру», что указывает на финикийское посредничество.

Не вдаваясь в тонкости датировки железного века в Северной Африке, укажу на то, что широкое распространение железа на всем Ближнем Востоке вне Анатолии специалисты относят к XII–XI вв. до н.э. Если эта датировка обоснована, то она совпадает с полученной автором⁸ датировкой дивергенции праберберского языка рубежом II–I тыс. до н.э.

⁸ Данная датировка обоснована в ряде публикаций (напр., Милитарев 1991); в последней, обновленной версии — в подготовленной к печати статье *Once More on Tamāhaq Tuaregs in the Canary Islands in the Context of Ethno-Linguistic History (Linguistic and Inscriptional Evidence)* (предварительный вариант см. в Militarev 2018). Там же приведены аргументы В. Блажека в пользу более поздней праберберской дивергенции и мои контраргументы вместе с лексико-статистическими диагностическими списками по 13 берберским языкам, представляющим все основные группы и подгруппы этой языковой семьи.

Помимо весьма вероятного этимологического решения и вытекающего из него указания на торговые связи древних ливиоберберов с Южной Аравией, возникает еще одна интересная импликация, касающаяся совсем другой проблемы — происхождения ливийского письма.

В ряде работ, в частности, в статье, когда-то опубликованной в ВДИ (Милитарев 1991), я приводил аргументы — в виде сопоставительных таблиц знаков — в пользу того, что ливийское письмо отнюдь не входит в группу письменностей, в которую его включал И. Гельб и в которой «формы знаков изобретены произвольно» (Гельб 1982: 141), а в основе своей заимствовано из одной из разновидностей семитского «квазиалфавитного» письма (какие-то знаки могли, конечно, быть изобретены и добавлены «произвольно»).

Учитывая обширные финикийско-ливийские связи и тот факт, что название одного из вариантов ливийского письма — сохранившийся у туарегов *tifinay* (с консонантным корнем *fnk*) — ассоциируется рядом исследователей с *Phoenikes*⁹, естественно, считается, что этим видом семитского письма было финикийско-пуническое. Однако из приведенных таблиц в статье (Милитарев 1991) видно, что число знаков ливийского письма, сходных со знаками финикийско-пунического алфавита, меньше, чем число совпадений со знаками разных подвидов южносемитского письма¹⁰: с новопуническими символами совпадают три знака, с южносемитскими — семь, причем наибольшее сходство обнаруживается с североарабским письмом¹¹. Остальные ливийские символы (их девять) схожи как по форме, так и по фонетическому значению с символами представленными и в северной, и в южной разновидностях семитских алфавитов.

Было, однако, непонятно, какими путями южносемитская письменность могла стать известной ливийцам Северной Африки. Этимология берберского термина для железа позволяет предположить наличие торговых контактов между этими двумя регионами. А что касается электрического характера ливийского письма, возможно, оно заимствовало знаки из южной и северной семитской письменности в разные периоды.

2. Письмо из Египта — дописьменным соседям

На обширной территории северной Африки — от Канарских островов до Нубии — встречаются похожие слова, передающие идею письма. Удивительно, что эти слова зафиксированы в том числе и в бесписьменных и новописьменных языках. Интересно проследить происхождение приведенных ниже терминов и понять природу этого феномена.

⁹ На то, что это вряд ли случайное совпадение, указывает и отсутствие альтернативной этимологии для *tifinay*; однако единственным объяснением, каким образом туарегское письмо было названо «финикийским» по греческому этнониму (финикийцы так себя не называли), представляется то, что предки современных туарегов, которыми с высокой степенью вероятности были гараманты (см. Милитарев 1991), услышали о финикийском происхождении их письма от греков.

¹⁰ Впервые предположение о происхождении ливийского письма из южносемитского, насколько мне известно, было высказано Энно Литтманном (Littmann 1904).

¹¹ А именно, самудским (*Thamudic*) и лихьянским (*Lihyanite*), которое сейчас принято называть даданистским (*Dadanitic*). Надписи самудским письмом, начиная с VIII тыс. до н.э., встречаются на огромной территории — от Йемена до Египта. См. The Online Corpus of the Inscriptions of Ancient North Arabia (<http://krc.orient.ox.ac.uk/ociana>).

В ливийско-берберских языках: эпиграфический восточно-нумидийский *tt-rb* и *t-rb-t-hn* — именные формы от глагола *rb ‘писать’, ахагтар *t-ērəw-t*, pl. *t-ēra* ‘lettre (missive); amulette consistant en un écrit; dessin d’ornement (consistant en lignes, points, figures géométriques)’, айр *t-irāw-t*, pl. *t-ira* ‘letter (message), amulet with an inscription on it’, гхадамес *ūrəb*, зенага *arha*, семлаль *ara*, кабильский *aru* ‘to write’, *t-ira* ‘writing’ и т. д. (см. берберские формы в Kossmann 1999: 88). Берберская праформа может быть реконструирована или как *Harah^w, или как *Haraḥ ‘писать’ (отглагольное имя *Hirab) — последний вариант подтверждается рефлексом *-b* в восточно-нумидийском.

В канарских: гран канариа *tara*, *tarja* ‘rayas en tablas, pared o piedras’, ‘señal para recuerdos’, *tarha* ‘marque pour les souvenirs’, ‘señal para recuerdos’¹².

В западночадских: хауса *rubūtā* ‘to write’ (сравнение приведено в Wölfel 1965: 511), в центральночадских: бура *rubwa*, *rubuta*, будума *rebōde*, афаде *ohárbotú*, etc. ‘to write’¹³.

В канури: *revo-nin* ‘write’.

В древненубийском: *uran* ‘Schreiber’.

На первый взгляд, многие из этих форм не имеют между собой ничего общего, кроме согласного *r* и значений. Тем не менее, представляется возможным предположить их общий источник — египетский глагол *h³b* (< *hrb) ‘to send (a letter or message *inter alia*), to write a letter’, встречающийся в текстах Пирамид и давший существительное того же корня ‘letter, message’ в текстах Среднего и Нового Царств¹⁴. Из него, вероятно, заимствовано праберберское *Hirab ‘письмо, послание’ и *Harab ‘писать’¹⁵. Чадские формы представляют большую сложность. Одна из них, афаде *ohárbo-tú*, является удивительное свидетельство фонетической сохранности слова. Судя по форме, она была заимствована из праберберского, как и хауса глагол *rubū-tā*, хотя оба слова теоретически могли заимствоваться и непосредственно из египетского (по глоттохронологии время выделения афаде — рубеж III–II тыс. до н.э., а хауса — конец IV тыс.). Формы в бура (*rubwa*, *rubuta*), будума (*rebōde*) и канури (*revo-nin*), скорее всего, заимствованы уже из хауса. Возможно, к берберским формам восходят, в конечном счете чадский глагол **rVn-* ‘to draw lines, to write’ (Stolbova 2005: 219) и древненубийское *uran* (одно из серии ранних заимствований в нубийские из ливийско-берберских¹⁶?), но *-n* в ауслайте объяснению пока не поддается.

Подводя итоги: египетское *h³b* было заимствовано в праберbero-ливийский, а уже из берберских, скорее всего, распространилось по всей Северной Африке¹⁷.

¹² Приведены в монументальном труде Д. Й. Вёльфеля (Wölfel 1965: 461-2), который, хотя и не нашел египетского источника, сопоставил канарские формы с большинством приведенных параллелей из берберских и других языков, из которых следует исключить баскский пример Вёльфеля: *ira-atzi* ‘añadir, escribir’, *ira-korri* ‘leer’, отвергнутый баскологами Р. Л. Траском и Дж. Бенгтсоном, поскольку *-ra-* в данных формах является показателем каузатива (я благодарен Дж. Бенгтсону за это уточнение). Есть еще подозрительно похожее на берберские формы древнегреческое *téρας* (*téras*) ‘Götterzeichen’, ‘sign, emblem, wonder, monster’ — по мнению Фриска (Frisk 1960: 878), архаический термин, не имеющий надежных соответствий; я признаю тлен индоевропеисту д-ру Коринне Лешбер (Corinna Leschber) за консультацию по этой лексеме.

¹³ Militarev 2018, #3.4.3.

¹⁴ См. Erman & Grapow 1926–1961: II, 479–480.

¹⁵ См. Милитарев 1984: 22–23. Гран канариа *tara*, *tarha* (< *ta-rha*, с префиксом имен *ta-*) скорее всего заимствовано из (прото)ахагтара (см. этимологию №8 в настоящей статье; развернутая аргументация приводится в Militarev 2018).

¹⁶ См. Militarev 2018.

¹⁷ Еще одно аналогичное и несомненное заимствование: праберберское *ta-matar-t ‘sign of acknowledgement, recognition, testimony, etc.’ происходит из египетского термина Среднего Царства *mtr* ‘testimony, witness, instruction, etc.’ (см. Милитарев 1984: 22; Takács 2008: 733).

3. Лосось

Одно из самых распространенных в языках мира названий рыб восходит к латинскому слову *salmo*, gen. *salmōnis* (с кельтскими параллелями) без надежной индоевропейской этимологии, см., например, Andrews 1955: 310: “*Salmo* is probably either of Celtic origin or came from the pre-Indo-European Iberian of Aquitania. It is doubtful that the word has any connection with Latin *salire* ‘jump’, or with *saliva* ‘spit’, with a suggestion of sliminess and slipperiness”.

Мне нигде не попадалась ссылка на другую возможную этимологию латинского слова — из берберского **salm(-ay)*, мн.ч. *(*i/a-*)*salm-an* ‘рыба’ (видовое название)¹⁸: ахагтар *a-sūlmay*, мн.ч. *i-sūlmāy-ān*, зенага *sižm-an* (< *silm-an), снус, семляль, издег, кабильский *a-sləm*, риф *a-sr?m* (*r* < *l), шенва *a-səlm*; этот термин засвидетельствован и на разных островах Канарского архипелага в виде *salema*.

Очевидно, что если латинское слово заимствовано из ливийско-берберских, то именно из формы **salm-an*¹⁹. Однако у этой формы есть варианты с метатезой корневых согласных: гхат *a-ləmšay* и гхадамес *u-lisma*. Из первого, по всей видимости, заимствовано хаяса *lámsà* ‘вид рыб’, а второй представляет большой интерес тем, что указывает на более «глубокую» этимологию — связь с названием рыбы *nštw.t* в египетском языке периода Нового Царства (Erman & Grapow 1926–1961: II, 340). Последняя форма с высокой вероятностью восходит к **lštw.t* (иероглиф для *n* в египетском может передавать *n* и *l*): возможность случайных совпадений в афразийских корнях с тремя «твердыми» согласными и общим значением близка к нулю. Но и значение ‘рыба’ в *nštw.t* оказывается вторичным — в более ранних текстах Среднего Царства это слово значит ‘чешуя’ (‘scales of fish’ — Faulkner 1962: 140), т. е. в более поздний период египетского оно, по-видимому, стало означать ‘чешуйчатую рыбу’. «Вторичность» египетской ‘рыбы’ указывает не на происхождение из общего праегипетско-берберо-чадского состояния, а на заимствование этого термина где-то во второй половине II тыс. до н.э. из новоегипетского в праливийско-берберский, после распада которого на ранние диалекты последовательность корневых согласных египетского слова-источника в большинстве этих диалектов изменилась, сохранившись только в гхадамесе (возможно, и в каких-то других восточноберберских)²⁰.

Таким образом, выстраивается следующая цепочка переходов значения и заимствований: египетское ‘чешуя’ → ‘чешуйчатая рыба’ → берберо-ливийская ‘рыба’ → латинское ‘лосось’.

¹⁸ Впервые это предположение было высказано в Militarev 1984: 23.

¹⁹ Термин с такой последовательностью согласных заимствован (скорее всего, из какого-то туарегского языка) в центральночадские языки бура (*šalmwi* ‘kind of fish’), мада (*šelémke* ‘sorte de poisson sec plat’) и ульдем (*šélémké* ‘poisson sec, ouvert’) — см. Stolbova 2007: 173.

²⁰ По-видимому, метатезы вызваны тенденцией к несовместимости в большинстве берберских языков между латеральными согласными *l* и *s* (< *š); последний (по установленному автором соответственно: берберское *s ~ египетское *š* из праафразийского латерального сибилянта *š) еще в период заимствования произносился не как простой глухой, а именно как глухой латеральный сибилянт. Неисконная последовательность согласных в канарском названии рыбы указывает, скорее всего, на то, что оно не восходит к праберберо-канарскому состоянию, а является поздним заимствованием из туарегского (см. Militarev 2018).

4. Египетская душа *Ka* – *Kyp*?

Знаменитое египетское *Ka* (*k3*), переводимое как ‘душа’, ‘двойник’, ‘дух’, ‘жизненная сила’ и т. п., не имеет надежной этимологии. Попытки найти сколько-нибудь убедительную внутреннюю египетскую этимологию результатов не дали. Версия, предлагающаяся ниже, конечно, довольно гипотетична, но, тем не менее, заслуживает внимания.

Существуют серьезные основания²¹ постулировать вокализацию *k3* в виде *ki?*. Однако фонетическая природа графемы ?, которая может передавать три разных согласных — гортанную смычку ?, *r* и *l* (и, соответственно, восходить к трем разным общеафразийским согласным — *?, *r и *l), в этом слове неясна. Прояснить ее может только внешняя афразийская этимология. Никаких параллелей с консонантными корнями **k?* и *kl и сколько-нибудь подходящим значением в других афразийских языках найти не удается. Зато находятся возможные и, на мой взгляд, достаточно интересные в плане семантики параллели с *kr. Одна из них, впервые замеченная, по-видимому, египтологом и афразистом Карлтоном Ходжем (Carleton Hodge), заслуживает более детального обсуждения.

Хауса *kūrwā* ‘soul; ghost’ (Abraham 1962) приводится в более полном словаре Bargery 1934 в значении ‘the soul or personality which is supposed to leave a sleeper, returning when he awakes’²² (корень существительного хауса *kur*, суффикс -*wa*,ср. *kane* ‘younger brother, sister’ vs *kán(u)wa* ‘young woman’). Если «души» в египетском и хауса, действительно, родственны, т. е. *k3* соответствует *kur, то вопрос о том, восходят ли оба термина к общеафразийскому корню или хауса заимствован из египетского, не совсем ясен. В пользу второго решения говорят очень специфическая семантика слова в хауса, почти полное²³ отсутствие его когнатов в чадских языках и, наконец, тот факт, что за последнее время выявлен²⁴ целый ряд египетско-чадских культурных терминов, не представленных в других афразийских языках и явно указывающих на древние этнокультурные контакты — скорее всего, египетские заимствования в чадских.

Вполне вероятны, хотя и немногочисленны, и другие афразийские параллели: в берберских туарегских — ахагтар *tă-karaww-at*, аир *i-kerker-ă̄n* (редуплицированная форма мн. ч.) ‘épilepsie’, восточный тауллеммет *a-t-kər* (пассив глагола) ‘possessed (by an evil spirit)’, в семитских — араб. *kariya* (консонантный корень *kry*) ‘sommeiller’, тигре *kərri belä* ‘talk nonsense’ и *săb kəyar-ă̄t* ‘soothsayers’²⁵.

Если все эти слова в конечном счете связаны и восходят к единому общесевероафразийскому корню **kwr/*kyr/*kry*, его достаточно сложное значение следует, по-видимому, реконструировать как особое экстатическое состояние, «выход из себя», что может относиться к трансу исполнителя ритуала. В этом случае доисторические²⁶ истоки египетского *Ka* представляются весьма любопытными.

²¹ См. Vycichl 1983: 74.

²² На одной из конференций в 1980-е годы в московском Институте востоковедения АН я сделал сообщение с шутливым названием «Душа как *kurwa*: хаусанский двойник египетского *k3*». Возможность читать *k3* как [kur] была в ходе дискуссии подтверждена и, насколько я помню, даже поддержана петербуржским египтологом А. О. Большаковым, специально занимавшимся темой человека и его двойника в древнем Египте.

²³ Пока нашлись только две возможные параллели слову хауса в центральночадских языках бура (*kir* ‘the self; the will’) и гидар (*ma kro* ‘heart’). Другие возможные параллели: западночадские тангали *kɔ̄rɔ̄t* ‘divination’ и дотт *kártikáli* ‘tell fortune’ (в Stolbova 2011: 87 анализируются как дериваты **kVr-* ‘to see’).

²⁴ В основном, усилиями ведущего чадолога-компаративиста из Москвы О. В. Столбовой.

²⁵ Не исключено, что сюда же относится изолированное восточнокушитское слово в языке оромо: *ekeera* ‘ghost’.

²⁶ По моим глоттохронологическим подсчетам, северноафразийский прайзыв распался в 10 тыс. до н.э.

5. 'Материнская утроба' → 'жалость, милосердие'.

Одна из задач этимологического «детектива» — установить изменение значения от более раннего (пра)языкового состояния к более позднему; это особенно интересно, когда речь идет о дописменной истории, да еще о категориях, связанных с человеческими эмоциями, для которых лексическая реконструкция может оказаться единственным источником информации. К таким категориям относится обсуждаемое ниже значение 'милосердие' в семитских языках.

Общесемитский глагол **r̠ı̠m* 'жалеть, сострадать, быть добрым, милосердным к кому-либо' и соответствующее ему существительное, восходящие к прасемитскому уровню (V тыс. до н. э. по глоттохронологии), происходят от общесемитского же анатомического термина **rah(i)m-/rihm-* 'материнская утроба, матка', который, в свою очередь, восходит к общеафразийскому **ra/im-*²⁷ 'материнская утроба, беременность', отраженному в чадских (как 'ребенок' — Stolbova 2016: 290; сюда же центральночадское: будума *olē-rat* 'материнская утроба', где *olē* 'ребенок') и в восточнокушитских: сомали *rim-ay* 'матка', *rim-an*, оромо *riitaa* 'беременная (о самке животного)', рендилле *rim-*, бурджи *rim-ees* 'быть беременной'. Этот семантический переход известен: впервые, насколько я знаю, он был постулирован С. С. Майзелем как часть изосемантического ряда «матка (утроба, утробный плод, беременность) — жалость, сострадание, милосердие» в семитских (Майзель 1983: 221)²⁸. Однако вероятность того, что любое постулируемое нетривиальное развитие значения, действительно, имело место, а не представляет собой случайное совпадение (приписанное ассоциативному мышлению древних людей лингвистами с современным, да еще и «европоцентристским» сознанием), существенно повышается²⁹, если удается продемонстрировать, что у реконструированного корня с предположительным исходным значением есть более широкая надежная этимология (афразийская)³⁰, т. е. он «древнее» (как в данном случае), а у корня с предположительным производным альтернативной этимологии нет, т. е. он «моложе».

6. «Вторые жены» эпохи раннего неолита

Одним из видов этимологической работы можно считать праязыковую реконструкцию, которая, как и в предыдущем примере, способна пролить свет на стороны жизни доисторического общества, трудно поддающиеся выявлению другими методами — такие, как, например, родственные и социальные связи, на которые, в качестве основного источника информации, экстраполируются сравнительно недавние этнографические данные; правомерность прямых параллелей между культурами, существенно различающи-

²⁷ Фарингальный *ħ* в инлауте в семитских, не отраженный в сомали и рендилле, где он обычно сохраняется, судя по всему, вторичен (см. Takács 1997: 241–273).

²⁸ Я бы добавил к этому изосемантическому ряду еще один пример: семитское **ħipp* 'быть милосердным, жалеть' из **ħann-* '(feminine) genital organ, uterus' и далее из афразийского **ħanVn* 'genitalia' (*ibid.*).

²⁹ Естественно, эта вероятность еще и тем выше, чем большее число синонимичных слов/корней ('семантических рядов', по С. С. Майзелю) составляет данный «изосемантический ряд».

³⁰ Если гипотетически представить себе, что для семитского **rah(i)m-/rihm-* 'материнская утроба, матка' находится единственная афразийская этимология со значением 'внутренности, кишki', а для семитского **r̠ı̠m* 'жалеть, быть добрым' — единственная афразийская этимология со значением 'хороший' (или, скажем, 'любить'), то такая ситуация не то, чтобы полностью исключила реальность нашего семантического перехода в прасемитском, но существенно ослабила бы его достоверность.

мися как хронологически — на многие тысячелетия, так и по уровню развития³¹, не очевидна и требует подтверждения независимыми методами. Вот один пример.

Общесемитское **ki/ann-at-* (с суф. ж. р.) ‘невестка, невеста, прислуга, товарка’: аккад. (старовавилонский) *kinātu/kinattu* ‘menial, person of servile status attached to a household, doing agricultural and other work under supervision; person of equal social status, comrade, colleague’ (а также поздневавилонское и не вполне надежное *kinītu* ‘eine Nebenfrau’), арам. (считающееся аккадизмом) **kən-āt-* ‘companion’, араб. *kann-at-* ‘belle-fille, femme du fils; belle-soeur, femme du frère’;

общеберберское *ta-knaw ‘co-wife, concubine’ (*i-knaw ‘быть близнецами’, а в восточнонуберберском языке гхадамес *eknəw* — ‘ревновать’);

общечадское **k(w)in-* ‘co-wife; virgin, maid; sister’, **kVn-*³² ‘to marry’ (ср. Stolbova 2016: 208), ср. также в центральночадском языке гуду *kà-kɔ́ñə* ‘grandmother or her siblings’, а в восточночадском языке тумак — *kùmáy* ‘orphan’;

центральнокушитское (агавское) **kiyan-* (и *keýān* в северноагавском языке билин) ‘marriage’ и *(?ə-)*kʷin-* ‘woman’.

На афразийском уровне общую праформу, условно включая вокализм, можно реконструировать как **kʷayn-* с довольно сложным и несколько неожиданным для мезолита — раннего неолита значением, которое приблизительно описывается как ‘низкая социальная категория (молодых) женщин, которых берут в дом в качестве вторых жен, наложниц и/или работниц’³³.

Реконструкция сложных, не очевидных или плохо согласующихся с устоявшимися представлениями пражазыковых значений для древнейшего и протописьменного периода в той или иной степени гипотетична. Приведенные семитские термины можно было бы разделить на две группы — ‘невестка, невеста’ (связь этих двух категорий подтверждается на материале многих языков — на русском, в частности) и ‘компаньон(ша), товарищ/ товарка, со-работник’ (и ‘прислуга’? или последнее значение скорее к ‘невестке’ — по хорошо известной народной традиции?) — и считать их восходящими к генетически разным корням, а берберские глаголы ‘быть близнецами’ и ‘ревновать’ или чадские существительные ‘бабка и ее сиблинги’ и ‘сирота’ вообще считать сюда никак не относящимися и не связанными между собой. Однако, явная принадлежность большинства рассмотренных терминов к женскому роду (или полу) и видимое отсутствие альтернативных этимологий для каждого из них препятствуют тому, чтобы «множить сущности», в данном случае — омонимы, и делают решение объединить их всех в один праафразийский корень с комплексным значением более обоснованным. Дальнейшее решение остается уже за историками, археологами, антропологами, этнографами и т. д.

³¹ Например, вряд ли продуктивно прямо переносить черты архаичных культур охотников и собирателей, засвидетельствованные в новое или новейшее время, на неолитическую культуру прасемитов с ее развитыми земледелием, скотоводством, строительством жилищ и другими инновациями; даже подобная экстраполяция на мезолитическую-ранненеолитическую праафразийскую культуру XI–X тыс. до н. э. нуждается в обосновании.

³² Знак *V* в праформе указывает на любой возможный гласный, означая, что конкретную артикуляцию (*a, *i или *u) восстановить пока не удается даже с минимальной вероятностью.

³³ У этого реконструированного термина обнаруживаются обширные внешние параллели — скорее свидетельства очень глубокого родства, хотя и не доказуемого на сегодняшнем уровне развития компаративистики, чем случайные совпадения: ср. такие формы, как индоевропейское **gʷʰen-* ‘woman, wife’, алтайское *kune ‘one of several wives’, синокавказское *qwānV, австронезийское **kan/*kin*, американское *kina, банту *-*kéntu* ‘woman’ в «Глобальной базе данных», составленной С. А. Старостиным (доступна в онлайн режиме на сайте «Вавилонская башня», <http://starling.rinet.ru>).

7. Одна этимология как вероятный индикатор миграции

Островные языки Канарского архипелага, судя по целому ряду морфологических и лексических изоглосс с берберскими языками, составляют с последними общую, берbero-канарскую семью, входящую в афразийскую макросемью; ряд отличий указывает на противопоставление берберской и канарской ветвей в пределах этой семьи. Между двумя ветвями устанавливается система регулярных консонантных соответствий³⁴, одним из которых является соответствие канарского **z* (чаще всего передаваемого хронистами через *z*) общеберберскому **z*, отражающемуся как [z] во всех живых берберских, кроме туарегских, где оно по разным языкам дает варианты *z/s/š/ž/ʒ*, а в ахагтарском регулярно отражается как *h*, например: канарское (о-ва Пальма) *zeloy* ‘soleil’, ‘el sol’ ~ берберск. **ā-zayl*: сиуа *a-zal* ‘daytime’, семляль *a-zal* ‘sunlight’, изайан *a-zil* ‘heat of the day’, кабильск. *a-zal* ‘daylight’, аир *a-žil* ~ ахагтар *a-hal* ‘sunlight’.

В ахагтар это «старое» *z* сохраняется при удвоении в определенных глагольных формах, ср. имперфектив *ighal* (<**əgzal*), но перфектив *gazzul* ‘to be short’.

Наиболее правдоподобным представляется такое объяснение: на определенном этапе развития ахагтар *z* в речи стало «ослабевать» и постепенно переходить в *h*, но какой-то период сохранялись оба произносительных варианта слов — и с *z*, и с *h*; впоследствии за этими вариантами закрепилась функция морфонологического противопоставления двух глагольных форм.

В ахагтар с *h* из **z* совпал *h* другого происхождения (<**h*)³⁵, причем следы разного происхождения сохраняются в позиции после *n*: перед *h* <**z* *n* палатализируется и обозначается в транскрипции как *ñ*, а перед *h* <**h* не палатализируется. Так, ахагтарскому *te-ñhär-t* (*h* <**z*) ‘narine / nez’ соответствуют тхат *ta-nzər-t*, аир *čə-nžar-t*, указывая на праформу **ta-nzar-t*; а ахагтарскому *a-nhel* (*h* <**h*) ‘autruche’ соответствуют *a-nhil*, *a-nähil*, и т. д. в других туарегских, указывая на праформу **a-n(a)hil*.

В свете описанного фонетического явления в ахагтаре исключительно интересным представляется приведенное Вёльфелем слово с островов Тенерифе и Гран Канария вместе с переводами на различные языки записавших его хронистов³⁶: *añera* ‘la asta que el rey llevaba delante de sí’, ‘unas varas tostadas de tea y sabinas muy agudas’, ‘lanza de tea, que precedía al rey’, ‘gran lanza de tea fina, con una banderilla de juncos al extreme’, ‘lanza ó guión real’.

Вёльфель приводит также варианты этого слова в Тенерифе: *añera* ‘la lanza que el rey llevaba delante’, ‘a Scepter or Spear’, ‘étendard du roi’ и *anzpa*³⁷ ‘... una pertica sottile... ben lavorata, la quale era il segno reale’, находя к *añera/añera* нему ахагтарскую параллель: *ă-ñhaf* ‘batôn gros et long’³⁸.

³⁴ Установление этих соответствий осложняется тем, что канарские слова (их сохранилось около тысячи) воспринимались на слух, записывались, переводились и переписывались разными хронистами на разных европейских языках, да еще и в течение нескольких веков (а, например, в испанском в XVII в. произошли существенные изменения в консонантизме) — и многие из них дошли до нас в разных вариантах; с другой стороны, сопоставление этих вариантов помогает реконструировать фонетический облик канарских слов.

³⁵ В действительности, ситуация несколько сложнее (см. Militarev 2018), но в данном контексте это несущественно.

³⁶ Wölfel 1965: 477–478.

³⁷ Исключительно важный вариант, в котором Вёльфель напрасно заподозрил ошибку или опечатку.

³⁸ То, что в ахагтарском словаре Фуко (Foucauld 1952: 1348) приводятся размеры этой «палки» — от 0,3 до 0,5 см. в диаметре и от 1,5 до 1,8 м в длину — говорит о ее особой, по-видимому, некогда ритуальной

В работе Вёльфеля много отличных находок при сопоставлении канарских слов со словами из берберских, а иногда и других языков (хотя немало и фантастических сопоставлений). Однако будучи этнологом, а не лингвистом-этимологом, он не делает в данном случае решающего шага, заключающегося в том, что *й* в канарском *añera* происходит из палатализованного *n* с *h*, происходящим из *z, о котором говорилось выше. Эта гипотеза подтверждается родственным словом в другом севернотуарегском языке — гхат: *a-nžaf* ‘tison’³⁹. Это означает, что канарское *añera* не родственно ахаггарскому *ă-nhəf*, а просто то же самое слово, т. е. заимствование в канарский из ахаггарского, или какого-то ближайшего к нему диалекта, или их общего праязыка («протоахаггарского»), в котором имели место те же фонетические изменения (*z > *h*; *nz > *nh*). Вероятность того, что вся последовательность таких нетривиальных изменений могла произойти в неблизкородственных языках независимо друг от друга, практически исключена. И следующий логический вывод: это заимствование не объяснить ничем, кроме как нигде не засвидетельствованной миграцией ахаггароязычных туарегов на Канары.

Можно установить и относительные временные рамки этой миграции — время разделения ахагтара и того ближайшего к нему родственного языка, в котором *z переходит в *ž*, а не в *h*. Таким языком является входящий в севернотуарегскую группу гхат. Возможно сузить эти рамки до того начального периода, когда в ахаггарском еще свободно варьировались оба рефлекса *z > *zh*, о чем свидетельствует почти чудом сохранившийся в тенерифе вариант *anzra*. По глоттохронологии отделение гхата от языка-предка двух близкородственных *h*-диалектов, ахагтар и кель-уи, приходится на период VI–VII вв. н.э., что, видимо, и следует считать *terminus ante quem* поп дляprotoахагтарской миграции на Канары.

Цель данного раздела статьи — продемонстрировать возможности даже одной этимологии для реконструкции неизвестного эпизода этнокультурной истории. Об остальных аргументах в пользу этой реконструкции и ее импликациях — обнаружении целой серии других «ахаггаризов» в канарских диалектах, прочтении нескольких надписей ливийским письмом на о-ве Ферро (Йерро) с помощью ахагтарского словаря и др. — см. Militarev 2018.

8. *Tōhū-wā-ḇōhū*

Бывают случаи, когда этимология может пролить свет на многовековые богословско-философские дискуссии по поводу неясных библейских пассажей. Речь идет о знаменитом *תֹהוּ וְבֹהוּ* (*tōhū-wā-ḇōhū*) из второго стиха первой главы Книги Бытия, переведимого как ‘[Земля же была] безвидна и пуста’ (Российское библейское общество и др. изводы), а в разных английских изданиях Библии как ‘without form, and void’ (New King James Version), ‘waste and void’ (American Standard Version), ‘unformed and void’ (Jewish Publication Society) и даже ‘[Earth was] a soup of nothingness, a bottomless emptiness, [an inky blackness]’ (The Message Bible).

Что дает этимология этих терминов?

функции. Общая праформа *a-nZef, возможно, из **?a-n-Zef*, в этом случае она может быть родственна форме *žāafi* ‘размахивание поднятым копьем (в знак приветствия вышестоящего лица)’ в западночадском языке хауса и *žif* ‘палка-копалка’, *žif kingir* ‘(железный) жезл’ в центральночадском языке суккун (Stolbova 2009: 226; заметим «ритуальный оттенок» в приведенных значениях).

³⁹ Nehlil 1909; ср. также Prasse 1969: #541.

Еврейское *tōhī* переводится в словаре HALOT как ‘wilderness, wasteland, emptiness’, и в качестве параллелей закономерно приводятся угаритское *thw* ‘степь, пустыня’ и арабское *tih-* ‘wilderness’, а также не имеющий к этому отношения постбблейский еврейский глагол *tāhā* ‘to be rigid’, прокомментированный следующим образом: “A verbal form, together with a verbal form relevant to the derivation of *bōhī*, is found in Egyptian by Görg...: Egyptian *th?* ‘to deviate, miss’, Eg. *bh?* ‘to flee in panic’; Kilian...: through Egyptian there is a connection with Chaos, or rather interminableness, that is characteristic of the primaeval deities”. На самом деле егип. *bh?* ‘убегать в страхе’ не имеет никакого отношения к евр. *bōhī* (о его значении см. ниже), и тем самым теологема Килиана о связи библейского образа “через египетский с Хаосом — а пуще с Бесконечностным, что характерно для первозданных божеств” претенциозна и бессмысленна. Египетское *thī* (в другой транслитерации *thy*, но не *th?*) переводится как ‘to go astray, transgress, err, overstep’ и соответствует общесемитскому глаголу **tw/yh* ‘to (be afraid to) get lost, perish’ (вполне возможно, родственному вышеупомянутым существительным со значением ‘пустыня’ — место, где страшно и можно заблудиться): сирийское *twh* ‘be alarmed, startled’, арабское *twh* ‘get lost (crossing the desert), wander about; be perplexed’, *tyh* ‘wander about, get lost’, геэз *tayyāhi* ‘fearful, terrified’, тигре *tāwhā* ‘wander about’ (возможно, арабизм)⁴⁰.

Что касается еврейского *bōhī*, то его адекватный перевод в HALOT 111 как ‘emptiness, wasteness’ выводится почему-то (хотя и со знаком вопроса) из глагола *bhy* ‘удивляться’, представленного в постбблейском иврите, который, в свою очередь, сравнивается с араб. *bhy* ‘быть пустым’. Конечно, не еврейский глагол ‘удивляться’, а библейское *bōhī* можно сравнивать с араб. глаголом *bhy* ‘to be empty (said of a furniture-free house)’ и именами *bāh-in* ‘empty’, *bahw-* ‘valley’ и ‘chest cavity’, а также с иудейско-арамейским глаголом в каузативе *h-bhy* ‘to clear (the field, thickets)’. Этимологическое значение еврейского *bōhī* — ‘пустое пространство’. Выводимое из приведенных форм довольно плохо сохранившееся центральноsemитское **bahw-* с тем же значением подтверждается родственным корнем **bowh-* ~ **bohw-* в кушитских: восточных (оромо *bowwā* ‘cliff, abyss, canyon, deep natural rift, gulley’ и дараса *bōwo?à* ‘precipice, chasm’) и южных (*boohoo-nta ‘pit, pitfall, hole in the ground’ и *boohoo-ngw ‘valley, hole in the ground’).

Таким образом, исходя из этимологических значений и учитывая параллелизм *tōhī-wā-bōhī*, можно предложить следующий перевод Быт 1, 2: «Земля же была пустынна и пуста (или “пустыня и пустота”), и тьма над водной бездной/океаном» или же, более или менее следуя ритмике оригинала:

- - / - - / / - - / - - / - - / - /

«А земля была пуста и пустынна, над водной же бездной тьма».

Переводы *tōhī* вслед за ἀόρατος Септуагинты как ‘бездвидный’, ‘unsightly’, ‘without form’, ‘unformed’, тем более ‘formlessness, confusion, unreality’ (не говоря уже о теологических шедеврах типа ‘soup of nothingness’ — буквально «суп из ничего»), не соответствуют значению этого слова, выводимому из его этимологии, и, по-видимому, нуждаются в пересмотре.

9. О локализации преисподней

В разных библейских текстах неоднократно упоминается шеол (*šə?ol*) ‘преисподняя’ как место, куда уходят умершие, однако сколько-нибудь внятное описание его отсутствует:

⁴⁰ У этого глагола есть когнаты и в других афразийских ветвях, все они имеют значение ‘потеряться, заблудиться, погибнуть’ (см. Militarev 2007).

складывается впечатление, что за ним стоит не фундаментальное представление о загробной жизни, а скорее мрачный поэтический образ, расхожая, но стертая метафора. Никакой убедительной этимологии в HALOT не предлагается, однако у этого термина есть правдоподобные семитские параллели с регулярными консонантными соответствиями. Наиболее вероятное этимологическое значение *šəlōl*, не сохранившееся в самом библейском иврите, — ‘пропасть, котловина, русло потока’,ср. арабское *sāll-*, мн.ч. *sallān-* и *sawāll-* ‘gulch with steep slopes, the valley bottom, a current-bed’, *sayl-* ‘a current’, *syl* ‘to flow (of water), carry off (of a current); to be in trouble’, современное южноэфиопское (группа гураге): эндерген *səwel*, соддо *siyol* ‘cliff, abyss, precipice’ и современное южноаравийское: джиббали *séł* ‘to drain, run off; to rain’ (ср. еще аккадское *šalū/salū* ‘to submerge oneself (especially referring to the river ordeal)’).

У семитской праформы **šay/w/äl-* ‘gulch, precipice, current-bed’ есть параллели в западночадских (мангас *salà*, гурунтум *sál* ‘river’) и восточночадском языках (мокилко *sélò* ‘water reservoir, basin’).

Эта этимология косвенно подтверждается другим еврейским словом *bōr* — библейским параллелизмом к шеолу: «Но в ад (*šəlōl*) ты низвергнут, в глубины преисподней (*bōr*)» (Ис 14:15); словосочетание *bōr šālōn* переводится в HALOT как ‘a pit of wasteland’ и означает преисподнюю⁴¹. Основные значения *bōr*, приводимые в HALOT, — ‘cistern’ (в т.ч. в значении ‘the entrance to *šəlōl*’), ‘pitfall (often — deep hollow in rocky ground, used to store the water from the winter rains)’ и ‘grave’. В других семитских родственные слова значат ‘pit, cistern, well’ и ‘grave’, в других афразийских — берберских, чадских и восточнонокушитских — слова, производные от корня **bi?Vr-* ~ **bVr-*, значат по языкам ‘dig; ditch, pit, well; grave’⁴².

10. Названия монстров в семитских языках: сеанс мифологии с разоблачением

Ученому, борющемуся с мифологическими реликтами, в том числе в своем сознании, интересно понять, из чего рождаются фантастические образы и представления в мифологии и фольклоре. Не будучи специалистом ни в том, ни в другом, я, тем не менее, попытался эти образы и представления расклассифицировать по возможным источникам их возникновения (что, наверное, уже профессиональнее сделано другими авторами). Источниками фантастических и причудливых образов и представлений могут быть:

- (1) индивидуальное воображение их создателей;
- (2) сновидения;
- (3) сознательное авторское творчество;
- (4) трансформация вполне реальных объектов и феноменов
  - (4.1) через мимолетные впечатления от непривычных и новых объектов;
  - (4.2) через коллективную память, со временем обрастающую неправдоподобными характеристиками;
- (5) народная этимология.

Если первые три источника образов могут быть объектами исследования различных областей психологии и когнитивных наук, то четвертый попадает в ведение исторических

---

⁴¹ Интересно, что ту же идею передает арабское *dār-ul-bawār* ‘hell’ (дословно ‘house of pit’).

⁴² Попутно замечу, что встречающееся в разных синонимичных афразийских корнях совмещение в одном корне значений ‘копать’, ‘яма’ и ‘могила’ ясно указывает на способ захоронения у праафразийцев — на всех пражазыковых уровнях и, по-видимому, во всех языках-потомках.

дисциплин (от истории миграций, палеогеографии, этнозоологии и т. п. до мифологии и исторической лингвистики), а пятый целиком принадлежит этимологической науке.

Возможные примеры источника (4.2):

10.1. Семит. **?at(h)al-* 'мифическая рептилия, дракон' ('a mythical reptile, dragon'). ◇ Арамейские: сирийский *?ātalyā*, *?ātehlayā* 'dragon; eclipse', мандейский *talia* 'fictive dragon causing eclipse'⁴³. Эфиосемитские: тигре *?ashalät* 'dragon', тигринья *?asälät*, *?ashalät* 'animale favoloso, di smisurata grandezza e della specie del coccodrilla'⁴⁴.

Афразийская реконструкция — **?ač(h)ayl-/*haylač-* 'крупная рептилия' ('a large reptile'). ◇ Берберские: **Hassil-* 'snake, viper': гхат *ašil* 'serpent', ахаггар *āšsel* id., айр *ašsel* 'couleuvre, gros serpent', мзаб *t-iššel-t* 'vipère'. Омотские: **haylaš-* 'crocodile': северноомотские: волайта *aylaaš-*, гамо *haylašo*, гофа *haaylašo*, зала *aylašuwa*, дауро *allašo*; южноомотские: ари *haylesa*⁴⁵.

Cp. Militarev & Kogan 2005, # 20.

10.2. Семит. **kVš-* '(мифическая водная) рептилия'. ◇ Аккадский (SB) *kušû* (Reiner & Roth 1961–2010: VIII, 602) 'an aquatic animal'⁴⁶. Эфиосемитские: геэз *kaysi* 'serpent, dragon', тигре *käyəs* id., тигринья *käyəs* 'serpent', амхарский *käysi* id.

Афразийская реконструкция — **kaw/ys-* 'крупная опасная рептилия'. ◇ Чадские (западные): хаяса *kwásáá* 'puff-adder' (Stolbova 2011: 54), (восточные): бидийа *kóosò* 'viper' (*ibid.*), кера *késé* 'varan', леле *kōsō* 'varan de Nil' (*ibid.* #127), джегу *kesser* 'kind of crocodile (small and brown)', дангла *kèsírì* 'crocodile' (вероятно из **kVss-Vr-* с суффиксом *-r*).

10.3. Аккадское (начиная со староакк.) *laḥmu* (*laḥamu*) 'a monster', 'ein mythisches Meerungeheuer' (Militarev & Kogan 2005, #145).

Общесемитская реконструкция — **lVḥ(V)m-* 'крупное морское животное'. ◇ Араб. *luḥm-* 'kind of sea-fish', диал. дасина *laḥam*, юеменский диал. *luḥam*, *laḥam* 'shark'. Современные южноаравийские: харусси *lēhem*, джибали *lḥum* 'shark', сокотри *lēhem* 'grand poisson, requin'⁴⁷.

Афразийская реконструкция — **laḥ(m)-* 'крупное водяное животное'. ◇ (?) Егип. *ḥrm(w)* (если <**ḥVlVm-*) 'crocodile (?). Чадск. *lVḥV 'hippo' (Stolbova 2005: 59): западночадские: дера *lāhyò*; центральночадские: чибак *laḥa*, бура *laha*, гуде *lāh*.

Возможные примеры источника (5):

10.4. 'Козлорыб', ставший 'Козерогом': шумерский *mulsuḥur.mášku*, дословно 'рыбо-козел' или 'козлорыб' ('the Goat-Fish') отождествляется с Козерогом (*Capricornus*).

Шумер. *suḥur.ki₆* 'вид карпа' (= аккад. *purādu* 'carp', Reiner & Roth 1961–2010: XII, 516), 'ein Grosskarpfen' (von Soden 1965–81: 880); *suḥur.máš.ki₆* 'a kind of valued (carp)fish'

⁴³ Несмотря на явное сходство, по-видимому, не заимствовано из аккадского *attalū* 'solar or lunar eclipse', как это принято считать, так как аккадский термин не связан с драконом, а сирийский часто обозначает дракона вне всякой связи с затмением (хотя значение 'затмение', скорее всего, возникло в арамейском под влиянием аккадского термина).

⁴⁴ Cp. возможно родственные геэз *nestāli* (*nesātāli*) 'serpent-idol of bronze; field snake' (LGz. 403), тигре *näsälät* 'serpent boa' (LH 235).

⁴⁵ Возможно, родственно также дахало (южноокутийский) *tālala* 'puff-adder' (если восходит к **čačal-*).

⁴⁶ В нескольких текстах — мифическое животное; по одной из интерпретаций, крупная хищная черепаха, по другой — акула (Militarev & Kogan 2005, #120). Ввиду эфиопских и афразийских параллелей аккадский термин вряд ли заимствован из шумерского *KUŠÚ* — скорее, наоборот.

⁴⁷ Заимствование в юеменские диалекты из южноаравийских (представленных и континентальными языками, и сокотри) более вероятно, чем в последние из арабского, учитывая конкретное значение в них ('акула') против более общего ('какая-то морская рыба') в классическом арабском.

(= аккад. *bitrû* 'outstanding, superb', Reiner & Roth 1961–2010: II, 279). В мифологии — персонаж из окружения Энки-Эа (Reiner & Roth 1961–2010: XVII, 351), изображаемый на камнях *kudurru* и печатях в виде козы с рыбьим хвостом; тот же образ выступает как символ созвездия. Возник он, скорее всего, не из воображения древних, а из их этимологических фантазий⁴⁸. Именно второе значение *máš* = *urišu*, 'male goat' породило «козлиный» компонент образа, превратив его, в конечном счете, в «козлорыба». Аккадское *suhurmášu* 'The Goat-Fish' заимствовано из шумерского. // Ср. Kurtik & Militarev 2005, #25.

10.5. 'Поле', ставшее 'конем': шумерское *mulAŠ.GAN*₂, *mulAŠ.IKU*, *muliku* 'a unit of measurement (of field)' обычно переводится просто как 'field'. В качестве созвездия отождествляется с областью современных созвездий Пегас и Андромеда.

Предположительно, греки интерпретировали (*aš*).*iku* как *ikū* по-гречески (вероятно, еще в микенский период), т. е. как 'конь', ср. линейное В *i-qo* 'horse' из индоевропейского **ek'wo-*; последняя форма должна была бы отражаться примерно как *iku* ~ *eku* ~ *iko* ~ *eko* в любом другом кентумном индо-европейском языке, который тоже мог оказаться посредником в формировании этой народной этимологии.

Естественно, гарантировать, что это пример именно народной этимологии, а не случайное совпадение, невозможно: данная интерпретация строится только на языковых аргументах, тогда как подобные замены в названиях созвездий принято объяснять через визуальные ассоциации, вызываемые конфигурациями звезд, или через связь ассоциированных с этими созвездиями божеств. Кроме того, необходимо отметить, что в картине месопотамского звездного неба имелось и собственное созвездие Коня (*mulANŠE.KUR.RA*) с очень спорной идентификацией: так, Пингри и другие авторы помещают его в пределах созвездия Кассиопеи, а Кох локализует его внутри Пегаса (если последнее верно, греческое название — перевод месопотамского); как бы то ни было, надежных данных по локализации или идентификации *mulANŠE.KUR.RA* до сих пор не представлено. // Ср. Kurtik & Militarev 2005, #25.

10.6. 'Летучая рыба', ставшая 'Пегасом'.

Происхождение этого образа неясно. Традиционная этимология имени — от *pēgē* (πηγή) 'spring, fountain, fountain fed by a spring' (Chantreine 1968–1980: III, 894) — во-первых, скорее, народная и, во-вторых, ассоциируется только с одним эпизодом из мифов о Пегасе и его «крылатости» не объясняет. Предложенная связь Пегаса с лувийским богом-громовержцем *Pihaššašši* в качестве «аватары» последнего (Beekes 2009: 1183) тоже не объясняет, откуда взялся образ коня с крыльями. Ответ, похоже, находится между небесной сферой и пытливым ассоциативным мифологическим сознанием.

Шумерское созвездие *mulsim.mah* 'The Big Swallow' локализуется в западной (или юго-западной) области современного созвездия Рыб, включая западную область созвездия Пегас. По-аккадски это созвездие — *simuntu* (и *šinintu*) 'ласточка' (из общесемит. **su/inūn-at id.*), вторичное значение 'летучая рыба', ср. англ. 'swallow-fish'. Связь с водой подтверждается идентификацией в списке названий звезд: шумерское *mul.id₂.buranum* = аккад. *sinūn-tum*, а *id₂.buranum* по-шумерски — Евфрат. Греки, по всей видимости, заимствовавшие из Вавилона как представление об этом созвездии, так и его название, перевели его как *khelidonías ikhthus* 'the swallow-fish'. Эта греческая 'ласточка-рыба' и ассоциация знакомого грекам шумеро-аккадского созвездия Ласточки с греческим созвездием Пегаса, возможно, проливают свет на происхождение образа крылатого коня. // Ср. Kurtik & Militarev 2005, #23.

⁴⁸ Подробнее об этом интереснейшем и малоизученном феномене, который я называю этимопоэтикой, см. Militarev 2010, Appendix I.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Опыт показывает, что у «массовых» (разумеется, не в смысле «mass comparison») компаративистов и этимологов, т. е. специалистов, которые на хорошем профессиональном уровне реконструируют прайзыки, составляют этимологические словари и большие базы данных, разбираются с генетической классификацией целых языковых семей и т. п., как правило, уже не остается ни достаточного времени, ни сил на приложение своих реконструкций и этимологий к историческому и, тем более, доисторическому материалу, включая сравнение лингвистических данных с данными археологии, популяционной генетики, физической антропологии, мифологии и других родственных дисциплин. Тем самым совершенно недостаточно используется мощнейший, а иногда и единственный ресурс расширения и верификации наших знаний о человеческом прошлом. Хотелось бы надеяться, что данный скромный опус послужит стимулом для подобного рода исследований (как в афразистике, так и в других областях исторического языкознания), которые в ближайшем будущем должны получить более широкое распространение⁴⁹.

Литература

- Айхенвальд, А. Ю., А. Ю. Милитарев. 1991. Ливийско-гуанческие языки. В: И. М. Дьяконов, Г. Ш. Шарбатов (ред.). *Языки Азии и Африки. Афразийские языки. Т. IV, кн. 2: 148–267.* Москва: Наука. 1991.
- Гельб, И. Е. 1982. *Опыт изучения письма.* Москва: Радуга.
- Майзель, С. С. 1983. *Пути развития корневого фонда семитских языков.* Москва: Наука.
- Милитарев, А. Ю. 1984. Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? В: И. Ф. Вардуль (ред.). *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 3: 3–26.* Москва: Главная редакция восточной литературы.
- Милитарев, А. Ю. 1991. Глазами лингвиста: Гарамантида в контексте североафриканской истории (вместо послесловия). *Вестник древней истории* 3(1991): 130–158.
- Милитарев, А. Ю. 2007. Значение этимологии для интерпретации древнеписьменных текстов (на примере еврейской Библии и Нового Завета). *Труды отделения историко-филологических наук РАН* 2006: 284–327.

References

- Abraham, Roy Clive. 1962. *Dictionary of the Hausa Language.* University of London Press.
- Aikhenvald, Alexandra, Alexander Militarev. 1991. Livijsko-guanchskije jazyki. In: Igor Diakonov, Grigory Sharbatov (eds.). *Jazyki Azii i Afriki. Afrazijskije jazyki. Vol. IV/2: 148–267.* Moskva: Nauka. 1991.
- Andrews, Alfred C. 1955. Greek and Latin Terms for Salmon and Trout. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 86: 308–318.
- Bargery, George P. 1934. *A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary.* London: Humphrey Milford.
- Beekes, Robert S. P. 2009. *Etymological Dictionary of Greek.* Leiden: Brill.
- Chantraine, Pierre. 1968–1980. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire de mots.* Paris: Klincksieck.
- Erman, Adolf, Hermann Grapow. 1926–1961. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache.* Berlin.
- Faulkner, Raymond O. 1962. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian.* Oxford: Griffith Institute.
- de Foucauld, Charles. 1952. *Dictionnaire touareg-français.* Paris: Imprimerie nationale.
- Freedman, David Noel. 1992. *The Anchor Bible dictionary. Vol. 6.* New York: Doubleday.
- Frisk, Hjalmar. 1960. *Griechisches etymologisches Wörterbuch. Band I.* Heidelberg: Winter.
- Gelb, I. E. 1982. *Opyt izuchenija pis'ma.* Москва: Raduga.
- HALOT = Köhler, Ludwig, Walter Baumgartner. 1994–1996, 1999–2000: *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Vols. I–V.* Leiden / New York / Boston: Brill Publishers.

⁴⁹ Автор выражает искреннюю благодарность В. Л. Цукановой за ряд содержательных и стилистических замечаний, позволивших улучшить итоговый текст статьи.

- Kossmann, Maarten. 1999. *Essai sur la phonologie du proto-berbère*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Kurtik, Gennadij, Alexander Militarev. 2005. Once more on the origin of Semitic and Greek star names: an astronomic-etymological approach updated. *Culture and Cosmos* 9(1): 3–43.
- Littmann, Enno. 1904. L'origine de l'alphabet libyen. *Journal Asiatique* 2: 423–40.
- Maizel, Solomon. 1983. *Puti razvitiya kornevogo fonda semitskix jazykov*. Moskva: Nauka.
- Militarev, Alexander. 1984. Sovremennoje sravnitel'no-istoricheskoje afrazijskoe jazykoznanije: chto ono mozhet dat' istoricheskoy nauke? In: I. F. Vardul (ed.). *Lingvisticheskaja rekonstrukcija i drevnejshaja istorija Vostoka. Tezisy i doklady konferencii. Chast' 3*: 3–26. Moskva: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury.
- Militarev, Alexander. 1991. Glazami lingvista: Garamantida v kontekste severoafrikanskoy istorii (vmesto posleslovija). *Vestnik drevnej istorii* 3(1991): 130–158.
- Militarev, Alexander. 2007. Znachenije etimologij dl'a interpretacii drevnepis'mennykh tekstov (na primere jevrejskoj Biblij i Novogo Zaveta). *Trudy otdelenija istoriko-filologicheskix nauk RAN* 2006: 284–327.
- Militarev, Alexander. 2010. *The Jewish Conundrum in World History*. Boston: Academic Studies Press.
- Militarev, Alexander. 2018. *Berber — Tuaregs — Canarians*. Ms., available online at: www.academia.edu/37897447.
- Militarev, Alexander, Leonid Kogan. 2005. *Semitic Etymological Dictionary. Vol. II: Animal Names*. Münster: Ugarit-Verlag.
- Nehlil, Mohammad. 1909. *Etude sur le dialecte de Ghat*. Paris: Editions Ernest Leroux.
- Prasse, Karl G. 1969. *A propos de l'origine de H touareg (tahaggart)*. Copenhagen: Royal Danish Academy of Science and Letters.
- Reiner, Erica, Martha T. Roth (eds.). 1961–2010. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago: Oriental Institute.
- von Soden, Wolfgang. 1965–1981. *Akkadisches Handwörterbuch: unter Benutzung des lexikalischen Nachlasses von Bruno Meissner*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Stolbova, Olga V. 2005. *Chadic Lexical Database. Issue I: L, N, NY, R*. Kaluga: Poligrafiya.
- Stolbova, Olga V. 2009. *Chadic Lexical Database. Issue III: Sibilants and sibilant affricates*. Moscow: Institute of Oriental Studies.
- Stolbova, Olga V. 2011. *Chadic Lexical Database. Issue IV: Velars*. Moscow: Institute of Oriental Studies.
- Stolbova, Olga V. 2016. *Chadic Etymological Dictionary*. Moscow: Institute of Oriental Studies.
- Takács, Gábor. 1997. The Common Afrasian Nominal Class Marker *ḥ. *Studia Etymologica Cracoviensia* 2: 241–273.
- Takács, Gábor. 2008. *Etymological Dictionary of Egyptian*. Vol. 3. Leiden / Boston: Brill.
- Valério, Miguel, Ilya Yakubovich. 2010. Semitic word for ‘iron’ as an Anatolian loanword. In: T. M. Nikolaeva (ed.). *Issledovanija po lingvistike i semiotike: sbornik statej k jubileju Vyach. Vs. Ivanova*: 108–116. Moscow: Languages of Slavonic Culture.
- Vycichl, Werner. 1983. *Dictionnaire étymologique de la langue copte*. Leuven: Peeters.
- Waldbaum, Jane C. 1978. *From Bronze to Iron: The Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean*. Göteborg: Paul Astroms Forlag.
- Wölfel, Dominik J. 1965. *Monumenta linguae canariae*. Graz: Akademische Verlagsanstalt.

Alexander Militarev. Some implications of etymology and lexical reconstruction for the history and pre-history of the Near Eastern / North African / Mediterranean areal.

In this paper, we propose several new or updated Afro-Asiatic etymologies and reconstructed protoforms which may assist in further reconstruction of certain unclear aspects and features of the history and prehistory of the Near East, North Africa, and the Mediterranean area – such as ancient ethnocultural contacts suggested by earlier undisclosed lexical borrowings; the possible origins of the Libyan script; ideas that may have given rise to such diverse concepts as Egyptian *Ka* or Biblical *tohu wa-bohu* and *sheol*; names for various monsters in ancient Semitic cultures; and certain social, emotional, and ethical aspects of Neolithic life hinted at by the respective reconstructed Afro-Asiatic protoforms.

Keywords: etymology; linguistic reconstruction; ancient history; Afro-Asiatic languages; Semitology; the Bible.